

Современная
русистика

D.S.M. /
Д.П. СВЯТОПОЛК-
МИРСКИЙ

*Годы эмиграции,
1920-1932*

М. В. Ефимов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПУШКИНСКОГО ДОМА

Нестор-История

Современная русистика

Михаил Ефимов

D.S.M. /
Д. П. СВЯТОПОЛК-
МИРСКИЙ

*Годы эмиграции,
1920–1932*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПУШКИНСКОГО ДОМА

Нестор-История
Санкт-Петербург

2019

УДК 821.161.1.09”18”
ББК 83.3(2Рос=Рус)5
Е91

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Редколлегия:

В. Е. Багно, А. А. Долинин, А. В. Лавров, В. А. Мильчина,
А. Л. Осповат, Л. С. Флейшман

Ответственный редактор серии «Современная русистика»
М. Э. Маликова (Баскина)

Ефимов М. В.

Е91 D. S. M. / Д. П. Святополк-Мирский: Годы эмиграции, 1920–1932 /
М. В. Ефимов. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Нестор-Исто-
рия, 2019. — 456 с. — (Современная русистика, т. 8).
ISBN 978-5-4469-1557-6

Книга посвящена деятельности выдающегося историка литературы и литературного критика кн. Д. П. Святополк-Мирского (1890–1939) в период его эмиграции (1920–1932).

Впервые в российской филологической науке представлен систематический аналитический обзор главных трудов Святополк-Мирского по истории русской литературы, написанных по-английски, а также описана эволюция его литературно-критических и литературно-теоретических взглядов.

ISBN 978-5-4469-1557-6

© Ефимов М. В., 2019
© Издательство Пушкинского Дома, 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

ОТ АВТОРА

Первой книгой Святополк-Мирского, которую я прочел много лет назад, был сокращенный вариант «Истории русской литературы». Это американское издание 1958 г. я получил в подарок из Соединенных Штатов, от своего друга.

Теперь мне кажется это неслучайным: Святополк-Мирский возник для меня как *англоязычный русский* автор, чья «История...» опубликована и востребована на Западе, но не в России. Это двуязычие, «двусоставность» Святополк-Мирского, его органическая принадлежность к двум мирам — России и Европы, — во многом определили замысел нынешней книги.

За двенадцать лет своей жизни в эмиграции Святополк-Мирский создал два масштабных двуязычных нарратива: историю русской литературы с древнейших времен до начала XX в. и историю новейшей русской литературы.

Оба эти построения были не свободны от внутренних противоречий и логических нестыковок. Я не ставил своей задачей нивелировать их ради аналитической стройности. Собственно говоря, наследие Святополк-Мирского трудно — и едва ли возможно, да и не нужно — привести к некоему умозрительному ответу с «целыми числами без остатка». Моей задачей было показать многообразие Святополк-Мирского как историка литературы и литературного критика. И не только многообразие, но и, по мере возможностей, мотивировку его взглядов и оценок. Святополк-Мирский с трудом поддается типизации. Я попробовал увидеть его «необщее выраженье».

Необходимо коротко сказать о том, чего в книге нет. В ней нет Святополк-Мирского-евразийца, Святополк-Мирского-историка. В книге нет *биографии*. Первая биография

Святополк-Мирского, «D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939», была написана Дж. Смитом и вышла в 2000 г.¹ Мое собственное исследование возникло в известной степени как продолжение книги Смита, как историко-филологический комментарий к ней. Я надеюсь, что в обозримом будущем появится и первая биография Святополк-Мирского, написанная по-русски.

Девяносто лет назад, в 1928 г., Б. М. Эйхенбаум писал в предисловии к своей книге о Л. Н. Толстом: «...книга эта не полемическая и даже не “методологическая”. Основное значение в ней имеют материал и его сопоставление. Это сделано тоже сознательно и принципиально. Разговоров о “методологии” у нас много, а реальной работы над материалом мало»². Я буду рад, если предлагаемое читателю исследование о Святополк-Мирском будет рассматриваться именно в этой перспективе — как опыт работы над материалом.

В основе предлагаемой читателю книги лежит диссертация, написанная в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Я благодарен сотрудникам Пушкинского Дома — В. Е. Багно, М. Н. Виролайнен, А. М. Грачевой, Н. Ю. Грякаловой, П. Р. Заборову, А. В. Лаврову, Г. В. Петровой, С. А. Семячко, Д. В. Токареву, М. А. Федотовой.

Раздел об англоязычной монографии Святополк-Мирского о Пушкине был опубликован в виде отдельной работы и воспроизводится в настоящей книге по этой публикации³.

Изучение наследия Святополк-Мирского для меня было бы невозможно без многообразной и щедрой помощи рос-

¹ Smith G. S. D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. Oxford, 2000.

² Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи / Сост., вступ. статья, общ. ред. проф. И. Н. Сухих; комм. Л. Е. Кочешковой, И. Ю. Матвеевой. СПб., 2009. С. 149.

³ Ефимов М. Как сделан «Pushkin» Мирского: Биография классика как авторепрезентация автора // Транснациональное в русской культуре. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XV: Сб. статей / Сост. и ред. Г. Обатнин и Т. Хуттунен. М., 2018. С. 276–315 («Научное приложение»; вып. CLXXXII).

сийских и зарубежных коллег — Марины Ариас-Вихиль (Москва), Николая Богомолова (Москва), Лийсы Бюклинг (Хельсинки), Анны Ванинской (Эдинбург), Марии Васильевой (Москва), Марии Кандиды Гидини (Парма), Павла Дмитриева (Санкт-Петербург), Евгении Ивановой (Москва), Ольги Казниной (Москва), Нины Карсов (Лондон), Олега Коростелева (Москва), Татьяны Красавченко (Москва), Юрия Левинга (Галифакс), Ирины Лукка (Хельсинки), Татьяны Марченко (Москва), Николая Николаева (Санкт-Петербург), Геннадия Обатнина (Хельсинки), Елены Тахо-Годи (Москва), Павла Трибунского (Москва), Барбары Уилли (Лондон), Андрея Устинова (Сан-Франциско), Нины Фролкиной (Москва), Владимира Хазана (Иерусалим), Искры Шварц (Вена), Жоржа Шерона (Лос-Анджелес), Манфреда Шрубы (Милан).

Я благодарю редакторов и руководителей тех периодических изданий и издательств, где в разное время были опубликованы материалы и статьи, ставшие шагами к тогда еще будущей книге. Мои слова благодарности — Ксении Александровой, Михаилу Архирееву, Наталии Гриценко, Зое Гротской, Ольге Лукашенко, Марии Максимовой, Стефании Сини и Михаилу Талалаю, Ирине Прохоровой и — особо — Инге Даниловой.

Отдельные слова благодарности — Ричарду Дэвису (Richard Davies, Leeds Russian Archive, Leeds), который неизменно доброжелательно отзывался на мои многочисленные просьбы.

Я искренне признателен редактору издательства «Нестор-История» Елене Качановой, редактору серии «Современная русистика» Марии Баскиной (Маликовой) и редактору этой книги Андрею Соловьеву. Я благодарен им за доброжелательный профессионализм в процессе превращения *текста* книги в *книгу*.

Я очень признателен коллегам, поддержавшим идею издания этой книги, — Майклу Вахтелю (Michael Wachtel, Princeton University), Катрионе Келли (Catriona Kelly, University of Oxford),

Михаилу Робинсону (Институт славяноведения РАН, Москва), Григорию Фрейдину (Gregory Freidin, Stanford University).

На всем протяжении своей работы я всегда чувствовал поддержку Джеральда Смита (Gerald S. Smith, Professor Emeritus of Russian, University of Oxford), за которую я ему признателен.

Я благодарю своих близких — мою жену Юлию Мошник и мою мать Ирину Вихрову — за их неиссякаемое терпение и помощь.

Мой интерес к фигуре Святополк-Мирского много лет назад нашел отклик и поддержку у Савелия Сендеровича (Savely Senderovich, Professor Emeritus of Russian Literature & Medieval Studies, Cornell University, Ithaca, N.Y.), которому я и обязан тем, что этот интерес стал предметом моих профессиональных занятий.

Савелию Сендеровичу посвящается эта книга.

ВВЕДЕНИЕ

Литературный критик и историк литературы князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890–1939) — значимая фигура в истории русской литературы XX в. Его деятельность протекала в кризисную и переломную для русской истории и культуры эпоху. Являясь современником выдающихся русских писателей и поэтов первой трети XX в., он выступил ярким и значительным интерпретатором их творчества. Имя Святополк-Мирского стоит в ряду крупнейших литературных критиков русского зарубежья 1920-х гг., рядом с именами Г. В. Адамовича, А. Л. Бема, П. М. Бицилли, В. В. Вейдле, К. В. Мочульского, Ф. А. Степуна, В. Ф. Ходасевича и др.¹

Биография Святополк-Мирского отчетливо делится на три периода: дореволюционный и эпохи Гражданской войны (до 1920 г.), эмигрантский (1920–1932), советский (1932–1939). Сложность личной судьбы, ставшей пересечением взаимоисключающих социальных практик и идеологий, отразилась и на противоречиях его интеллектуальной биографии.

Роль Святополк-Мирского в истории русской культуры XX в. уникальна. Его посредническая деятельность как историка русской литературы, писавшего для иноязычной (в первую очередь — англоязычной) аудитории, обеспечила его трудам на Западе статус классических. Несколько поколений славистов в англосаксонском мире были воспитаны «на Мирском». На долгие десятилетия Святополк-Мирский стал для

¹ См.: *Петрова Т. Г.* Литературная критика русской эмиграции первой волны: Современные отечественные исследования. Аналитический обзор. М., 2010 («Теория и история литературоведения»).

западного читателя проводником в мир русской литературы. По сути, Святополк-Мирский сформировал ее своеобразный канон для западного мира, включающий в себя корпус текстов русской литературы с древнейших времен до современности — середины 1920-х гг. Этот канон включал в себя как общепризнанные классические произведения, так и тексты писателей второго и третьего рядов, традиционно находящиеся на периферии исследовательского внимания даже в России. При этом Святополк-Мирский создал не только нормативный список текстов, но и предложил в высокой степени субъективную их интерпретацию. Эта интерпретация во многом повлияла на вкусы и исследовательские интересы западных специалистов по истории русской литературы.

Несмотря на это обстоятельство, многообразная деятельность Святополк-Мирского до сих пор не становилась предметом всестороннего рассмотрения в российском литературоведении. В настоящем исследовании впервые предпринята попытка комплексно описать деятельность Святополк-Мирского как литературного критика и историка литературы в период эмиграции — в 1920–1932 гг.

В эти годы он проявил себя в нескольких качествах: как литературный критик, пишущий о современной русской и европейской (в первую очередь — английской) литературе; как историк русской литературы, представляющий свою концепцию англоязычной аудитории; как инициатор и редактор русскоязычного периодического издания «Версты»; как участник евразийского движения.

Базовой чертой деятельности Святополк-Мирского является его двуязычие. Он в равной мере обращался и к русскоязычной эмигрантской аудитории, и к англоязычной — как академической, так и массовой (кроме того, он писал также по-французски и по-немецки). Святополк-Мирский стал двусторонним посредником: англоязычную среду он знакомил с русской литературой, русскоязычную — с литературой английской.

Деятельность Святополк-Мирского уместно рассматривать в разных аспектах: в свете истории литературы русского зарубежья, русской литературной теории, историко-культурной мысли русской эмиграции, контактов метрополии и диаспоры, рецепции русской культуры на Западе и европейской литературной теории в России.

Эмигрантский период деятельности Святополк-Мирского отличается идейно-эстетической целостностью. В 1932 г. он уезжает в СССР, где начинает карьеру советского литературного критика. Этот год проводит отчетливую демаркационную линию между Святополк-Мирским — эмигрантом и Святополк-Мирским — участником советского литературного процесса. Однако уже в конце 1920-х гг., после прекращения издания журнала «Версты» (1928), Святополк-Мирский идеологически полностью переориентируется в сторону СССР, что радикальным образом отражается и на его литературно-критическом дискурсе.

Оценка первопреходческой роли Святополк-Мирского в знакомстве англоязычного читателя с классической и модернистской русской литературой до настоящего времени адекватно не соотносилась с его деятельностью как одного из крупнейших литературных критиков русского зарубежья 1920-х гг.

Рассмотрение деятельности Святополк-Мирского этого периода представляется значимым как пример изучения взаимовлияния русской культурной диаспоры и иноязычной среды.

Глава 1

МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКОЙ

1.1. Д. П. Святополк-Мирский И РОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Вопрос о методологических основаниях работ Святополк-Мирского как историка литературы и литературного критика имеет первостепенное значение. Без понимания этих принципов невозможно адекватно ни описать, ни оценить литературно-критические выступления и историко-литературные труды Святополк-Мирского.

Дж. Смит отметил, что Святополк-Мирский «не стал щеголять теоретическими принципами и предпосылками <...>. Во всех своих сочинениях Мирский ни разу не излагает свою теоретическую программу»¹. Между тем еще на начальном этапе своей деятельности в качестве литературного критика и историка литературы, в 1922 г. Святополк-Мирский отмечал (показательным образом — в частном письме): «Мои интересы скорей историко-литературные и методологические»².

¹ *Смит Дж.* Параболы и парадоксы Д. Мирского // Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, комм., материалы к библиографии О. А. Коростелева и М. В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. М., 2014. С. 22–23. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *О литературе и искусстве*, с указанием номера страницы.

² *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931 / Comp. and ed. by G. S. Smith. Birmingham, 1995. P. 19 (Birmingham Slavonic

Святополк-Мирский ощущал себя если не представителем академической филологической науки, то, по меньшей мере, человеком, близко причастным к судьбам российской филологии. Неслучайно в 1924 г. он заметил: «...и вообще в нашей науке открыты пока что только мнимые законы»³. «Наша наука» — это русская филология.

Наиболее развернутое высказывание Святополк-Мирского о русской филологии как науке содержится в статье «О московской литературе и протопопе Аввакуме» (1925): «Чтобы “открыть” допетровскую литературу, нужно уметь ее читать и понимать, для этого мало энтузиазма и вкуса, а надо много знаний. <...> Тут надо быть филологом. А филологи народ особенный, — русские филологи, специалисты по допетровской литературе, чистые люди науки и субъективных оценок боятся как огня. Их дело установить филиацию редакций, источники, изводы, воспроизвести с палеографической точностью, но подите, спросите у академика Перетца о литературных достоинствах Симеона Полоцкого или Кирилла Транквиллиона, — он вам скажет, что это не его дело. Осуждать его за это не приходится, наоборот, мы должны быть ему искренно благодарны за его добросовестные и надежные работы и, вспомнив Иванова-Разумника, Венгерова и Пыпина, почтеть себя счастливыми, что хоть в одной привилегированной области у нас есть исследователи, а не публицисты»⁴. Такая наука, как представляемая академиком Перетцом, необходима. Но она

Monographs; 26). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *The Letters to Suvchinskii*, с указанием номера страницы.

³ Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. Д. П. Святополк-Мирский. Новосибирск, 2010. С. 9. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *Русская лирика*, с указанием номера страницы.

⁴ Ср. с высказыванием Г. П. Федотова в книге «И есть и будет. Размышления о России и революции» (Париж: Новый Град, 1932) об изучении русской литературы до революции: «Эта дисциплина всегда была в позорном загоде в русских университетах. Вместо художественного слова изучались нередко направления публицистической мысли — “интеллигенциология”»

не достаточно, если мы хотим почувствовать живую связь с нашей словесной стариной. Тут нужен энтузиазм, желание заразить читателя своим восхищением»⁵.

Здесь хорошо различимы несколько принципиальных положений:

1) Филология — академическая дисциплина с четко установленными процедурами. Высшее воплощение филологии как «чистой науки» — исследования древнерусской литературы. Ее характерная черта — отсутствие субъективных оценок.

2) Широко известные не-академические историки русской литературы — не ученые и не популяризаторы, а публицисты, т. е. не являются ни генераторами, ни передатчиками научного знания.

3) Академическая филология необходима, но не достаточно для того, чтобы изучаемая ею литература стала актуальной для современного читателя.

В 1920 г. в своей первой статье, написанной и опубликованной в эмиграции, Святополк-Мирский постулировал: «Изучение литературной истории в России находится в постыдном состоянии»⁶. Последующая деятельность Святополк-Мирского как историка литературы и литературного критика должна быть увидана в перспективе именно этого высказывания.

(Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. М., 2011. Т. 5: И есть, и будет / Прим. С. С. Бычков. С. 105–106).

⁵ Святополк-Мирский Д., кн. О московской литературе и протопопе Аввакуме // Евразийский временник. 1925. №4. С. 338–350. Цит. по: *Mirsky D. S. Uncollected writings on Russian Literature* / Ed. by G. S. Smith. Oakland, 1989. P. 145–155 (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts; vol. 13). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *Uncollected writings*, с указанием номера страницы.

⁶ Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов, прим. и вступ. статья В.В. Перхина. СПб., 2002. С. 26. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *Поэты и Россия*, с указанием номера страницы. Впервые: *Mirski D. S. A Russian Letter: The Symbolists — I* // *The London Mercury*. 1921 (February). Vol. III. № 16. P. 427–429.

Представляются релевантными и не получившими до настоящего времени должного рассмотрения следующие вопросы. — Были ли у Святополк-Мирского основания для столь ригористичной оценки в 1920 г.? Насколько она была подкреплена конкретным материалом? Какое выражение нашли в опубликованных работах Святополк-Мирского его «историко-литературные и методологические интересы»? Каким образом он абсорбировал достижения предшествующей и современной ему российской филологической науки? Каково место Святополк-Мирского в актуальной российской филологии 1920-х гг.?

Свой тезис о «постыдном состоянии» русской истории литературы Святополк-Мирский в том же тексте 1920 г. обосновывал следующим образом: «У нас нет даже сносной антологии; у нас нет отвечающего всем требованиям издания Пушкина; у нас нет надежной книги по просодии» (*Поэты и Россия*, с. 26). Собрание сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова⁷ он аттестует как «урода, подобного тому, который был описан Горацием в первых строчках “Ad Pisonem”»: там можно найти все, кроме понимания Пушкина» (*Поэты и Россия*, с. 26). Впоследствии, в книге о Пушкине (1926), Святополк-Мирский даст этому изданию развернутую характеристику: «Самым нелепым из всех изданий является издание Брокгауза и Ефрона (1907–1916), в шести больших томах in quarto, под редакцией покойного профессора С. А. Венгерова. Это памятник бесконечному трудолюбию и бесконечно дурному вкусу. Тексты произвольны, полный промискуитет законченных и незаконченных сочинений, иллюстрации разнородны, и большинство их на редкость безобразны. Издание содержит множество вступлений, комментариев и биографических материалов, значительная часть которых большей частью бессмысленна,

⁷ Библиотека великих писателей. Пушкин: [В 6 т.] / Под ред. проф. С. А. Венгерова. Пг., 1915.

хотя иные из них и незаменимы для любого исследователя Пушкина»⁸. В «Русском письме» Святополк-Мирский также крайне негативно отозвался о собрании сочинений Е. А. Баратынского под редакцией М. Л. Гофмана⁹: «...это памятник аере регенниус <крепче бронзы. — лат.> тому, как не следует редактировать поэта» (*Поэты и Россия*, с. 26)¹⁰.

Поводы для оптимизма Святополк-Мирский в 1920 г. находил в историко-литературных работах В. Я. Брюсова («который, возможно, является нашим единственным поэтом, не лишенным чувства метода» (*Поэты и Россия*, с. 26)), Н. И. Розанова, в деятельности «молодых московских поэтов», собравших «обширные материалы для изучения русской прозоидии» (*Поэты и Россия*, с. 26)¹¹. Святополк-Мирский упоминает также неопубликованную рукопись книги А. И. Белецкого «о писательницах периода 1830–1860-х годов» и «миниатюрное эссе» М. И. Лопатко «Повести Пушкина. Опыт введения в теорию прозы» (Пг., Одесса, 1918). Однако заканчивается этот обзор почти нигилистически: «Все эти начинания могут оказаться временными проблесками. <...> следующее поколение, возможно, будет вовсе неграмотным, обученным лишь

⁸ *Mirsky D. S. Pushkin / Introduction G. Siegel. New York, 1963. P. 231.* Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *Pushkin*, с указанием номера страницы. Здесь и далее перевод, если не указано иное, мой. — М. Е.

⁹ *Баратынский Е. А. Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. и с прим. М. Л. Гофмана. СПб., 1914–1915* («Акад. 6-ка рус. писателей»; вып. 10–11).

¹⁰ Но уже в 1922 г. в англоязычном обзоре «Новые книги о Пушкине и его эпохе» (*Mirsky D. S. Recent Books on Pushkin and His Times // The Slavonic Review. 1922. Vol. 1. № 2. P. 475–478*) Святополк-Мирский исключительно высоко оценит пушкиноведческие работы Гофмана, в первую очередь — книгу «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» (*О литературе и искусстве*, с. 36–37).

¹¹ Речь явным образом идет о круге издательства «Muscaget» и С. П. Боброва и о работах Боброва, в частности: *Бобров С. П. Новое о стихосложении А. С. Пушкина: Трехдольный паузник у Пушкина; Разбор статьи В. Я. Брюсова о технике Пушкина; Добавления; Объяснительные примечания. М., 1915.*

борьбе и мародерству вместо чтения и письма» (*Поэты и Россия*, с. 27).

Это самое первое — и весьма эмоциональное — высказывание Святополк-Мирского о судьбах русской науки о литературе и литературной критике позволяет, как представляется, увидеть перспективу его деятельности в качестве проводника достижений новой русской филологии на Западе.

Приехав в Великобританию в середине 1921 г., Святополк-Мирский в 1922–1931 гг. преподавал в Школе славянских исследований при Королевском колледже Лондонского университета (*The School of Slavonic Studies of King's College, London University*). По словам Дж. Смита, «получив место преподавателя в Школе, Святополк-Мирский стал первым и единственным штатным академическим специалистом по русской литературе в Великобритании»¹². Школа была основана в 1922 г. крупным английским славистом сэром Бернардом Пэрсом¹³; в одно время со Святополк-Мирским в ней работали Г. Вильямс и барон А. Ф. Мейендорф. Вместе с Р. У. Ситоном-Уотсоном и Г. Вильямсом Пэрс создал и периодическое издание Школы, «*The Slavonic Review*» («Славянское обозрение», с 1928 г. и по настоящее время оно носит название «*The Slavonic and East European Review*»), один из старейших и наиболее авторитетных в мире славистических журналов. Все преподаватели могли (и даже должны были) публиковаться в этом журнале; по словам самого

¹² *Smith G. S. D. S. Mirsky: A Russian-English Life*. P. 94.

¹³ Б. Пэрс (*Sir Bernard Pares, 1867–1949*) в течение десяти с лишним лет лондонской жизни Святополк-Мирского был не только его работодателем, но и поручителем перед английскими властями, ежегодно возобновляя это поручительство, дававшее Святополк-Мирскому возможность жить и работать в Великобритании. Идеологическая эволюция Святополк-Мирского привела к затяжному и мучительному для обеих сторон конфликту, результатом которого стал уход Святополк-Мирского из Школы славянских исследований. Подробнее см.: *Казнина О. А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века*. М., 1997. С. 140–145.

Пэрса, это было «непременной обязанностью каждого штатного сотрудника»¹⁴. Все годы своей работы в Школе Святополк-Мирский регулярно печатался в «The Slavonic Review»¹⁵. Ему принадлежат статьи, рецензии, некрологи и переводы, общим числом свыше шестидесяти, посвященные самым разнообразным сюжетам и именам в истории русской литературы и культуры. Первой публикацией Святополк-Мирского в «The Slavonic Review» стала рецензия 1922 г. на книгу Брюсова «Наука о стихе», последней, в 1931 г., — обзор английских переводов современной русской прозы (любопытно отметить, что в пределах одной рецензии Святополк-Мирский рассматривает книги Неверова, Ильфа и Петрова, Катаева, Либединского, Гладкова, Фадеева, Панферова, Одоевцевой, Лукаша, Осоргина и Чирикова)¹⁶.

В разные годы Святополк-Мирский с различной интенсивностью участвовал в журнале. Например, в 1924 г. он «предлагал Б. Пэрсу план серии публикаций русской литературы XVII века» в «The Slavonic Review», которая должна была охватывать «произведения А. Палицына, И. Тимофеева, царя Алексея Михайловича, Аввакума»¹⁷. По предположению О. А. Казниной, «переводить, во всей видимости, собирался

¹⁴ Цит. по: Там же. С. 141.

¹⁵ В «The Slavonic Review» печатались и рецензии на книги самого Святополк-Мирского. См., например, рецензию Б. Пэрса на «Историю русской литературы» (B.P. [Pares B.] [Rev.] A History of Russian Literature by Prince D.S. Mirsky // The Slavonic Review. 1927. Vol. 6. № 16. P. 233–234) и рецензию А. Тырковой-Вильямс на изданную Мирским «Русскую лирику. Маленькую антологию от Ломоносова до Пастернака» (Williams A. [Rev.] Russkaya Lirika: Malenkaya Antologiya ot Lomonosova do Pasternaka (Russian Lyric Verse. A Short Anthology from Lomonosov to Pasternak) by Prince D.S. Mirsky // The Slavonic Review. 1924. June. Vol. 3. № 7. P. 205–207).

¹⁶ Mirsky D. S. Recent English translations of contemporary Russian fiction // The Slavonic and East European Review. 1931. Vol. 9. № 19. P. 752–763.

¹⁷ Казнина О. А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. С. 120–121.

он <Святополк-Мирский> сам»¹⁸, но этот проект так и не получил воплощения.

Помимо преподавания в Школе¹⁹ и участия в «The Slavonic Review», Святополк-Мирский был занят написанием книг, статей в русской эмигрантской, английской и французской периодической печати, редакторской работой в журнале «Версты» и газете «Евразия» и др. Характер участия в «The Slavonic Review», которое было обязанностью преподавателя Школы славянских исследований, однако, нисколько не уменьшает ценность опубликованных Святополк-Мирским в журнале текстов. На основании библиографии Мирского можно привести следующую статистику его участия в «The Slavonic Review» (по годам):

- 1922 — 6 публикаций (в т. ч. 5 рецензий, 1 некролог);
- 1923 — 7 (6 рецензий, 1 перевод);
- 1924 — 11 (8 рецензий, 2 некролога, 1 статья);
- 1925 — 7 (5 рецензий, 1 некролог, 1 статья);
- 1926 — 8 (6 рецензий, 1 некролог, 1 статья);
- 1927 — 6 (5 рецензий, 1 статья);
- 1928 — 5 (4 рецензии, 1 статья);
- 1929 — 9 (5 рецензий, 2 статьи, 1 некролог, редактирование раздела);
- 1930 — 3 (1 рецензия, 1 некролог, 1 перевод);
- 1931 — 3 (2 рецензии, 1 статья)²⁰.

¹⁸ Там же. С. 121. Здесь и далее при цитировании источников любые интерполяции в текст приводятся в угловых скобках, если не оговорено иное; пунктуация в ряде случаев исправлена.

¹⁹ О своем преподавании Святополк-Мирский отозвался в письме к А. М. Ремизову (октябрь 1925 г.) следующим образом: «...ужасно много дела, и самого скучного и хлопотного, корректуры и учение, которого я терпеть не могу» («...С вами беда — не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922–1929 / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2003. Вып. 5. С. 371).

²⁰ «Судья строгий, но праведный»: Статьи и рецензии Д. Мирского в журнале «The Slavonic Review» (1922–1929) / Публ., вступ. статья и комм. О. А. Коростелева и М. В. Ефимова; пер. с англ. М. В. Ефимова // Русская литература. 2013. № 2. С. 201–202.

Некоторые из этих публикаций в переработанном виде вошли позже отдельными фрагментами в «Историю русской литературы», другие получили и русскоязычное воплощение (например, рецензии и статьи о М.И. Цветаевой, некролог С. А. Есенину и др.).

За неполных десять лет активного сотрудничества с лондонским «The Slavonic Review» Святополк-Мирский создал на английском языке своеобразную комментированную хронику важнейших достижений русской филологической науки 1920-х гг. Но эта хроника — для англоязычного академического читателя — носит не только информационный характер.

В рецензиях Мирского в «The Slavonic Review» содержатся и его собственные значимые высказывания по актуальным вопросам российской филологической науки. Его статьи, опубликованные в журнале помимо рецензий (например, «Пушкин» (1923), «Древнерусская литература» (1924), «Декабристы» (1925), «Евразийское движение» (1927), «Периоды русской литературы» (1931)), принадлежат к числу важнейших текстов Святополк-Мирского.

Мы не располагаем сведениями, кто определял выбор тех или иных книг на рецензию — сам ли сотрудник или редакция журнала. В начале 1923 г. в письме к П.П. Сувчинскому Святополк-Мирский определит свою «работ<у> по Университетскому славянскому журналу» как «чисто механическ<ую>» (*The Letters to Suvchinskii*, p. 21). Однако, в любом случае, во многих из его публикаций в «The Slavonic Review» хорошо различим пристальный интерес к работам по теории литературы и поэтике.

«Методологические интересы», о которых Святополк-Мирский упоминал в 1922 г., нашли свое исключительно яркое выражение в его отношении к наиболее значительной новации в русской науке о литературе 1920-х гг. — формальной школе.

Нетрудно заметить изначальные точки схождения между Святополк-Мирским и формалистами. Мирский был сверстником формалистов, и принципиальное значение имеет тот

факт, что он, как и многие из них, учился в Петербургском университете в конце 1900-х и в 1910-е гг., а в свой первый университетский год (1908), хотя и был студентом китайского отделения факультета восточных языков, посещал Пушкинский семинарий С. А. Венгерова²¹. Мы не имеем документальных свидетельств о личном дореволюционном общении Святополк-Мирского с будущими русскими формалистами, но факт достаточно раннего знакомства с В. М. Жирмунским²² делает такое предположение правдоподобным.

Святополк-Мирский и формалисты были укоренены в дореволюционной русской филологической культуре²³. Вместе с тем они внимательно следили за новейшими достижениями европейской мысли (причем, сколько можно судить, не только гуманитарной — это в особенности характерно для Святополк-Мирского и В. Б. Шкловского, ценителей технического не-филологического²⁴ знания).

²¹ Любопытно, что в опубликованном в 1914 г. списке участников семинария Святополк-Мирский упомянут как поэт: *Smith G. S. D. S. Mirsky: A Russian-English Life*. P. 47, со ссылкой на: Пушкинист: Историко-литературный сборник / Под ред. проф. С. А. Венгерова. [И]. СПб., 1914. С. 238.

²² «Святополк-Мирский учился в 1-й петербургской гимназии. Там же учился и Жирмунский» (*Лавров А. В.* В. М. Жирмунский в начале пути // Русское подвижничество / Сост. Т. Б. Князевская; отв. ред. Б. В. Раушенбах. М., 1996. С. 339). Дж. Смит называет Святополк-Мирского «школьным товарищем» Жирмунского, «одноклассником» (*Smith G. S. D. S. Mirsky: A Russian-English Life*. P. 57, 261). В 1907 г. они печатались в одном сборнике «для учащихся русской средней школы» — «Звенья» (Письмо Д. П. Святополк-Мирского В. М. Жирмунскому (1922) (Публикация В. В. Перхина) // Русская литература. 2008. № 4. С. 147).

²³ См. подробный обзор до- и пореволюционной русской филологической науки «Буря и натиск: история литературы, общественная и философская критика. Символизм. Народничество. Политика и литературная критика. Политика и литературная критика до и после октябрьского переворота»: *Сегал Д. М.* Пути и вехи: Русское литературоведение в двадцатом веке. М., 2011. С. 42–82.

²⁴ Святополк-Мирский был в состоянии заметить даже о глубоко чтимом им Лескове: «...да и в древней географии он <...> не силен» (*Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен

Годы революции и Гражданской войны были для русских формалистов не только периодом историко-литературных «бури и натиска», но и периодом исключительно важным в их личных биографиях. Самый яркий пример этого — Шкловский, и неслучайно Святополк-Мирский многократно выделял «Сентиментальное путешествие» как одно из важнейших свидетельств о русской революции²⁵. Можно предположить, что Шкловский занимал Святополк-Мирского не только как исключительно яркая фигура в литературе и литературоведении, но и потому, что биография Шкловского совмещала филологию и непосредственный опыт войны и революции²⁶. Для Святополк-Мирского, боевого офицера, прошедшего две кровопролитные войны, это было более чем существенно. Собственно, если говорить о каком-либо биографическом параллелизме, то — пусть и со всеми оговорками — оно и применимо только к Святополк-Мирскому и Шкловскому²⁷.

по 1925 год / Пер. с англ. Руфи зерновой. Новосибирск, 2007. С. 497. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *История русской литературы*, с указанием номера страницы). Ср. с замечанием о Случевском: «...он хорошо знал современную научную литературу. У него было великолепное видение мира, позволявшее наслаждаться безграничным многообразием живых существ и предметов. Его “географические” стихи, особенно вдохновленные русским Севером и мурманским побережьем, принадлежат к числу лучших» (*История русской литературы*, с. 502).

²⁵ См., в частности, в «Contemporary Russian Literature: 1881–1925»: «Мемуаров о 1917 г. существует множество: немногие из них являются литературой, но среди этих немногих такие замечательные вещи как “Взвихренная Русь” Ремизова и “Фронт и революция” (первая часть “Сентиментального путешествия”) Виктора Шкловского» (*История русской литературы*, с. 724; см. также: *Uncollected writings*, p. 256, 269).

²⁶ Неслучайно Святополк-Мирский особо выделял из всех русских поэтов Н.С. Гумилева, пошедшего воевать на фронт в годы Первой мировой войны.

²⁷ Нелишне также заметить, что для Святополк-Мирского мог быть актуальным еще один ракурс — знаменитая страсть Шкловского к публичным «скандалам». В среде русской эмиграции Мирский и сам воспринимался как «скандалист». Заметим также, что имена Шкловского и Мирского

Начало печатной литературно-критической работы Святополк-Мирского на английском языке датируется концом 1920 г. К этому времени в 1919 г. уже опубликованы два выпуска «Поэтики» — «сборников по теории поэтического языка»²⁸, а также первые — и самые знаменитые — работы Шкловского. Святополк-Мирский явным образом был знаком с этими опоязовскими публикациями. Осведомленность в вопросах современной российской литературной теории может показаться странной, однако в декабре 1922 г. он писал П. П. Сувчинскому, своему наиболее доверенному корреспонденту: «Теперь я особенно занят вопросом о смене школ в русской поэзии и вопросом о понятии литературной школы» (*The Letters to Suvchinskii*, p. 19).

Чрезвычайно важно, что вопрос, которым Святополк-Мирский «особенно занят», — это вопрос, над разрешением которого в это самое и последующее время и будут работать формалисты. В письме к Жирмунскому (ноябрь 1922 г.) Мирский пишет об истории русского стиха и конкретных стиховедческих вопросах с той детализацией, которая свидетельствует об исключительно подробном знакомстве с материалом и свободном владении им²⁹; Святополк-Мирский публично

впрямую — и резко негативно — сопрягал В. Ф. Ходасевич в своей известной статье «О “Верстах”» (Современные записки. 1926. № 29. С. 439–440).

²⁸ До того — «Сборники по теории поэтического языка», вып. I–II (Пг., 1916–1917).

²⁹ При этом Святополк-Мирский — с учетом всех условностей — в приватном кругу отзывался о своих познаниях критически. Так, о своей статье «О московской литературе и протопопе Аввакуме» Мирский писал П. П. Сувчинскому (письмо от 8 октября 1924 г.): «Для англичан я знаю достаточно, для русских ничего не знаю, особенно для Евразийцев» (*The Letters to Suvchinskii*, p. 30), а в письме к А. В. Тырковой (от 23 января 1926 г.) — о своей книге о Пушкине: «Очень благодарен буду за критику моей книги, которая (критика), боюсь, будет очень (и по справедливости) строга. Единственное оправдание моей весьма легкомысленной книги, что она написана для иностранцев. Критики истинного пушкиниста они ни минуты не выдержит» (D. S. Mirsky: Four letters to Ariadna Tyrkova-Williams, with an Unpublished

обнаружил их в примечаниях к своей антологии «Русская лирика»³⁰.

Исключительно важным является то обстоятельство, что главные фигуры русского формализма — Шкловский, Тынянов, Эйхенбаум — были одновременно и историками литературы, и теоретиками, и литературными критиками. К. Депретто формулирует это так: «...в конкретных разборах теоретические размышления играют ничуть не меньшую роль, чем в статьях на общие темы. Формалисты стоят у истоков оригинального подхода к истории литературы, при котором она интерпретируется через призму литературы современной. Это их собственное открытие, принесшее неожиданные результаты, открытие абсолютно оригинальное»³¹.

review by Ariadna Tyrkova-Williams / Ed. by G. S. Smith // *The Slavonic and East European Review*. 1993. Vol. 71. № 3. P. 484).

³⁰ См., например: «Что же касается до диподий в 4-ст<опном> дактиле, анапесте и т. д., они существовали у нас независимо от англичан: наш XVIII в. рассматривал 4-ст<опный> анапест (и пр.) как длинный стих, требующий цезуры (langver<s>), таков он у Державина, хотя и с характерными для Державина константами. У него же и вариации анакрусы (“Ласточка”), и пропуски слогов in caesura <...>. Кажется, как раз Жуковский (не под влиянием ли Шиллера?) внес большую строгость в трехсложные размеры. <...> Кстати о трехсложных размерах. Ямб действительно самый разговорный еще по одному соображению. В трехсложных размерах в среднем одно ударение приходится на 3,3 слога (или очень немногим меньше); в 4-ст<опном> ямбе это отношение приблизительно 2,7–2,8. Я делал подсчеты частоты ударений в русской прозе и вышло около 2,6–2,7» (Письмо Д. П. Святополк-Мирского В. М. Жирмунскому (1922). С. 145). Исправляем неверно прочитанное публикатором иноязычное слово в рукописи: «langvers» (нем.).

³¹ *Депретто К.* Формализм в России: предшественники, история, контекст / Авториз. пер. с фр. В. Мильчиной. М., 2015. С. 116–117. В другом месте К. Депретто справедливо замечает: «Литературная критика всегда была и хотя бы отчасти остается по сей день дисциплиной, предмет которой определен весьма неясно и оправданность существования которой нередко ставится под сомнение. В России в период с 1880 г. по 1914 г. сфера литературной критики была столь же неопределенной и включала в себя самые

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ВВЕДЕНИЕ	9
Глава 1. МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКОЙ	12
1.1. Д. П. Святополк-Мирский и российский литературно-теоретический контекст.....	12
1.2. Д. П. Святополк-Мирский и британская литературная теория и литературная критика.....	81
Глава 2. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАРРАТИВЫ 1924–1926 гг.	104
2.1. «Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (1924).....	104
2.2. «Pushkin» (1926)	136
2.3. «Contemporary Russian Literature: 1881–1925» (1926) и «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)» (1927).....	181
2.3.1. Хронология и объем материала	186
2.3.2. «История русской литературы» в иноязычном контексте.....	191
2.3.3. Историко-литературная стратегия Святополк-Мирского в «Истории русской литературы».....	195
2.3.4. Литературные поколения	204
2.3.5. Оценки и характеристики в «Истории русской литературы».....	208
2.3.6. Историко-литературные аналогии в «Истории русской литературы»	221
2.3.7. Переводы и проблема переводимости художественных текстов в «Истории русской литературы».....	222
2.3.8. История русского языка в «Истории русской литературы»	226
Глава 3. ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. П. СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО В 1920–1928 гг.	233
3.1. Выбор жанра и стилистическая эволюция.....	233
3.1.1. Литературная критика: проблема дефиниции и демаркации	233
3.1.2. Литературная критика Д. П. Святополк-Мирского: проблема жанра и стилистической эволюции	238

3.2. Феномен билингвизма: материалы к сравнительному анализу	244
3.2.1. Билингвизм Д. П. Святополк-Мирского: проблема описания	244
3.2.2. Двухязычие Д. П. Святополк-Мирского: материалы к сравнительному анализу	252
3.3. Д. П. Святополк-Мирский как англоязычный литературный критик (1923–1926)	269
3.3.1. Общие замечания	269
3.3.2. Литературно-критические высказывания Д. П. Святополк- Мирского о русской литературе в британской периодической печати (1920–1927)	273
3.4. Выступления в периодической печати русского зарубежья (1923–1926)	286
3.4.1. Д. П. Святополк-Мирский и русская литературная критика	286
3.4.2. Литературно-критические высказывания Д. П. Святополк- Мирского в периодической печати русского зарубежья (1923–1926)	292
3.4.3. Д. П. Святополк-Мирский в «Звене» (1923–1925)	297
3.4.4. Д. П. Святополк-Мирский в «Современных записках» (1924–1926)	307
3.4.5. Д. П. Святополк-Мирский в «Благонамеренном» (1926)	338
3.4.6. Д. П. Святополк-Мирский в «Воле России» (1926)	354
3.5. Журнал «Версты» (1926–1928): опыт построения трансграничного пространства русской литературы	368
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	381
ЛИТЕРАТУРА	400
Источники	400
Исследования	422
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	433
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	434

Современная русистика
Том 8

Михаил Витальевич Ефимов

D. S. M. / Д. П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ
Годы эмиграции, 1920–1932

Редактор *А. Ю. Соловьев*
Выпускающий редактор *Е. Ф. Качанова*
Корректор *Е. Г. Закревская*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. Н. Граве, И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 16.10.2019
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$, Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 26,5. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1895

Издательство Пушкинского Дома
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Тел. (812)328-19-01. Факс (812)328-11-40

Издательство «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

**Михаил
Витальевич
ЕФИМОВ**

Родился в 1975 г. в Мурманске.
Кандидат филологических наук.
В 2007–2014 гг. –
заместитель директора по науке
в Государственном историко-
архитектурном и природном
музее-заповеднике «Парк Монрепо».
С 2015 г. – старший научный
сотрудник Выборгского
объединенного музея-заповедника.
Автор более 100 опубликованных
работ (в т.ч. – совместно
с Ю. Мошник – автор и редактор-
составитель 5 книг по истории
Выборга и Монрепо).
Публиковался в журналах
«Русская литература»,
«Известия РАН.
Серия литературы и языка»,
«Знамя», «Звезда»,
«Новое литературное обозрение»,
«The Slavonic and East
European Review» и др.
Живет в Выборге.

